

деклассированных элементах, на которые еще К. Маркс и Ф. Энгельс указывали как на социальную базу анархизма.

Итак, в какой социальной почве коренится анархизм? Его основу составляют наиболее угнетенные, разоряемые и разоренные слои мелкой буржуазии. В настоящее время социальная база анархизма претерпевает значительные изменения за счет интеллигенции, служащих, молодежи. Важной составной ее частью по-прежнему остаются многочисленные деклассированные элементы, постоянно порождаемые капитализмом. Анархизм всегда стремился найти опору в любом реальном революционном движении, занять в нем ведущее положение или даже возглавить его. Для обоснования этих претензий был выдвинут тезис, наиболее четко сформулированный еще в начале века А. Боровым. Он писал, в частности: «Ни в одном миросозерцании экономические классовые интересы не играют такой ничтожной роли, как в миросозерцании анархизма. Философия либерализма есть философия привилегированных классов, социализм есть философия страдавшего пролетариата, анархизм — философия пробудившегося человека» [36; с. 32]. Но, выступая как неклассовый, надклассовый, кому служит анархизм на самом деле? Чьи интересы и как он защищал и защищает?

Глава вторая

В ПОИСКАХ ИДЕАЛА

Недовольство государством, его отрицание сами по себе еще не означают анархизма. Анархизм — это мировоззрение, выражающее интересы определенной части буржуазного общества. Оно включает в себя анархический идеал как совокупность представлений о будущем безгосударственном устройстве общества, теоретическое обоснование этого идеала и комплекс средств, не-

обходимых для его воплощения. Безгосударственный общественный идеал, таким образом,— это исходный пункт и конечная цель всех теоретических рассуждений анархизма.

Анархизм всегда претендовал на общезначимость своего идеала: он якобы рождается в самом народе и выражает жизненные интересы всех трудящихся, угнетенных или даже всех людей вообще. Так, один из виднейших теоретиков анархизма М. А. Бакунин специально подчеркивал, что анархический общественный идеал вырабатывается «всегда исторически из глубин народного инстинкта» [32; с. 90].

Важность «поиска» этого идеала объяснялась тем, что в нем отцы анархизма видели теоретическую основу критики капиталистического общества и буржуазного государства, средство мобилизации угнетенных масс на борьбу с ним [56; с. 46], способ привлечения новых сторонников и, наконец, одно из важнейших условий победоносной социальной революции, показатель ее необходимости и возможности [32; с. 95]. Но, претендуя на общезначимость своего идеала, анархисты противопоставляли его идеалу научного социализма. Они видели в коммунизме своего главного врага в борьбе за массы. Коммунистический идеал поэтому фальсифицировался ими. Иногда, впрочем, это происходило из невежества отдельных представителей анархизма. Так, Бакунин, довольно хорошо знакомый с учением Маркса, еще в 1869 году заявлял: «Я ненавижу коммунизм, потому что он — отрицание свободы, а я не могу себе представить ничего человеческого без свободы» [74; с. 209].

Сто лет спустя анархистствующий лидер американской молодежи Джерри Рубин, имеющий о марксизме довольно смутное представление, утверждал, что марксисты в случае их прихода к власти первым делом «подвергнут чистке улицы хиппи». «Нас заставят,— продолжал он,— постричься и бриться каждую неделю... при-

нимать ванну на ночь. И будут отправлять в тюрьму за «грязные слова». Секс, за исключением производства детей для революции, будет вне закона. Психоделитические наркотики будут уголовным преступлением, а питье пива ограничат. Танцевание рока будет табу, а мини-юбки, голливудские фильмы и книги-комиксы — вне закона» [35; с. 219].

Картина поистине ужасная! Но что противопоставил анархизм фальсифицированному или плохо понятому коммунистическому идеалу? Каким должен быть собственно анархический идеал, «рождающийся в народе» и выражающий интересы «всего человечества»?

Первым на поиски такого идеала отправился учитель частной женской гимназии Иоганн Каспар Шмидт. Результаты своих «изысканий» он изложил в 1844 году в книге «Единственный и его собственность».

Шмидт — довольно распространенная в Западной Европе и Америке фамилия. Первый же анархист был «Единственным» и поэтому взял себе литературный псевдоним — Макс Штирнер. Его биография маловыразительна, учение же, по самой общей характеристике К. Маркса, выражало идеологию мелкого буржуа, разоренного промышленной свободой. Кроме того, в этом учении отразилась специфическая сущность современного Штирнеру немецкого мелкого буржуа, неудержимо стремившегося стать наконец «настоящим» буржуа, но вместе с тем убогого, мелочного, трусливого и одновременно чванливого, как вся немецкая буржуазия того времени, еще недостаточно объединенная экономически и консервативная в политическом отношении, напуганная французскими буржуазными революциями и развитием собственного революционного пролетариата. Мелочности, убожеству и ограниченности практических выступлений всего тогдашнего немецкого бюргерства вполне соответствовало крикливое, шарлатанское и фанфаронское выступление Штирнера. Остановимся несколько подробнее

на воззрениях Штирнера, так как, по выражению Плеханова, именно «он имел мужество... довести индивидуалистическую теорию до самых крайних ее выводов. Он самый бесстрашный и самый последовательный из анархистов» [74; с. 191].

В дальнейшем анархизму удавалось порой избегать крайностей своего родоначальника, но его ошибок и заблуждений — никогда.

Понятие «общество», по мнению Штирнера, — такая же фикция, как и понятие «бог». За ними не стоит ничего реального. Но вера в бога порождает церковь, а вера в общество — государство. Следовательно, и церковь, и государство вместе с их порядками — это не что иное, как результат веры.

Что же в таком случае реально? Только каждый отдельный человек, личность, «Я», «Единственный». Все, находящееся вне «Я», «Единственного», Штирнер объявляет «святым», «религией», «верой». Все это необходимо ниспровергнуть, т. е. перестать верить в существующие истины и представления [88; с. 102—107]. Тем самым «Я» — «Эгоист», «Единственный» получит полную возможность поступать как ему угодно, осуществляя свое стремление к самоосвобождению.

Выражая недовольство мелкой буржуазии существующими общественными порядками, Штирнер считает, что все философские представления о мире и обществе служат господству мыслей над людьми, подчинению человека окружающему миру во имя той или иной идеи. По его «Я», писал Плеханов, — такая же идея, как и всякая другая... критиковать социальное устройство во имя этого «Я» — значит покинуть единственную в данном случае плодотворную точку зрения — точку зрения общества, законов его жизни и развития — и теряться в тумане абстракций [74; с. 188]. Именно это происходит со Штирнером, да и с анархизмом вообще. «Я», «Единственный», «Эгоист», являющийся центром мира, стоящий

превыше всего, свободный от всяких внешних и внутренних ограничений, — вот идеал Штирнера.

Но на пути достижения этой абсолютной свободы, по его мнению (это точка зрения анархизма вообще), прежде всего стоит государство. «Буржуа является тем, что он есть, только благодаря охране государства, благодаря его милости. Если бы власть государства сломилась, он должен был бы бояться потерять все» [88; с. 90].

Здесь Штирнер неоригинален. Он лишь разделяет ходячие буржуазные иллюзии о самостоятельности государственной власти по отношению к экономике, с той только разницей, что возводит эту самостоятельность в абсолют, в культ. Он воспроизводит также специфически немецкое буржуазное представление о всемогуществе государства.

Штирнер и всю частную собственность представляет как собственность государства, которое передает ее имущим лишь на правах «ленного владения» и может поэтому как угодно обращаться с собственностью своих граждан. Виновником угнетения, эксплуатации рабочих, пауперизма и пр., и пр. он также объявляет государство. Допустим, это зло, каким Штирнер считает государство, будет упразднено. Но тогда «Я», «Единственный», «Эгоист», абсолютно свободный от всяких моральных норм и правовых санкций, просто не сможет существовать ни в обществе себе подобных, ни тем более вне общества. Ведь для удовлетворения своих эгоистических потребностей «Я», «Единственный» нуждается в других людях, которых он рассматривает как предмет потребления, как «пищу». Но общество, состоящее из таких «Я», «Единственных», «Эгоистов», обречено на самоистребление, и тут «святой» Макс прибегает к помощи «союза эгоистов», столь же утопического и нелепого, как и его «Я». Этот «союз», по мнению Штирнера, будет добровольно заключаться между «эгоистами» на основе взаимной полезности и взаимной эксплуатации.

И в этом вопросе Штирнер неоригинален. «Представляющееся совершенно нелепым сведение всех многообразных человеческих взаимоотношений к *единственному* отношению полезности,— писали Маркс и Энгельс,— эта по видимости метафизическая абстракция происходит из того, что в современном буржуазном обществе все отношения практически подчинены только одному абстрактному денежно-торгашескому отношению» [1; с. 409]. В эпоху борьбы буржуазии за власть эта теория носила прогрессивный характер, так как являлась идеализированным философским выражением буржуазного требования освобождения общественных отношений от всяких феодальных пут. Позже она превратилась в апологию существующего буржуазного строя. Штирнер же выразил в ней чаяния мелких буржуа, стремившихся стать настоящими буржуа.

Что же касается штирнеровского «союза эгоистов», основанного на взаимной эксплуатации и полезности, то он «представляет собой не что иное, как утопию возмущенного мелкого буржуа» [74; с. 191]. Это, кстати, отчетливо видно и в рассуждениях самого Штирнера.

Во имя свободы «Я» он отрицает государство. Для гарантии этой свободы от покушений других таких же «Я» им конструируется «союз эгоистов». Однако оказывается, что этого недостаточно. И единственно надежной гарантией личной свободы «Я» по-прежнему остается собственность.

Но ведь собственность как порождение государства должна быть уничтожена вместе с ним?.. Ничуть не бывало! «Собственность не должна и не может быть уничтожена,— восклицает Штирнер,— она должна быть вырвана из рук призрака и стать моей» [88; с. 193]. А эта эгоистическая собственность, как показали Маркс и Энгельс, на деле оказывалась не чем иным, как преображенной в фантазии «святого Макса» обыкновенной или буржуазной собственностью [1; с. 364].

Эгоистический интерес, оторванный Штирнером от порождающей его частной собственности, перенесенный в абстрактную природу человека, отождествленный с этой природой,— теперь этот эгоистический интерес вновь соединяется со своей экономической основой — частной собственностью. Круг замкнут. Штирнер возвращается к той самой точке, с которой отправился на поиски идеала,— к буржуазному обществу.

Но, воссоздавая буржуазное общество, Штирнер вынужден воссоздавать и все его черты: власть денег, пауперизм, нищенскую заработную плату, а в конечном счете — и буржуазное государство. Это общий методологический порок анархизма.

У Штирнера государство принимает форму «союза эгоистов», но это не меняет сути. Каждый «Эгоист», считает он, может выступить против «союза», но «союз» вправе пресечь бунт и отправить бунтующего «Эгоиста» в тюрьму. В чем же тогда разница между государством и «союзом эгоистов»? «Государство — священо... Но Союз... не священен»,— отвечает автор «Единственного...» и в этом усматривает великое различие между ними [1; с. 402]. Итак, Штирнер не нашел того, что искал, а то, что он нашел, не могло удовлетворить его социального заказчика — мелкого буржуа вообще, немецкого буржуа в частности.

«Добрые буржуа,— писал Плеханов,— уши которых так же непорочны и добродетельны, как жестоки их сердца,— эти буржуа пришли в крайнее негодование от безнравственности Штирнера» [74; с. 187].

Буржуазию, в том числе и мелкую, необузданный эгоизм «Единственного» отпугивал, пролетариату «эгоист-собственник» Штирнера был просто враждебен. Кроме того, анархический идеал Штирнера совершенно не согласовывался с реальной действительностью. Положение надо было спасать. И знамя анархизма из рук «святого» Макса осторожно, чтобы никто не видел, принял

Пьер Жозеф Прудон. Заметим, кстати, что впоследствии анархизм старался замалчивать свое родство со Штирнером, а некоторые его представители, как, например, Кропоткин, гневно открещивались от этого родства.

Биография П.-Ж. Прудона несравненно более ярка, нежели у его предшественника. Анархизм с этого времени в немалой степени обязан своими успехами личной популярностью его лидеров — самого П.-Ж. Прудона, М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина.

Сын бондаря-пивовара, Прудон самостоятельно проделал огромный путь от рабочего-типографщика до члена Учредительного собрания Франции (1848 г.), видного социалистического писателя и политического деятеля своего времени. За свои убеждения П.-Ж. Прудон дважды приговаривался к тюремному заключению, причем второй раз избежать его помогла лишь эмиграция в Бельгию. Но и с трибуны Учредительного собрания, и из тюремной камеры, и в устных выступлениях, и на страницах своих книг Прудон гневно обличал все современные ему государства и правительства, пытаясь одновременно создать и обосновать безгосударственный, анархический, общественный идеал. В основу своего общественного идеала он кладет столь же абстрактную, как у Штирнера, природу человека, но основным ее принципом считает справедливость.

Несправедливость современного ему буржуазного общества противоречит, по мнению Прудона, человеческой природе. Она коренится не в капиталистическом производстве, а в распределении, в обмене. Отсюда идеализм Прудона. Несправедливый обмен санкционируется государством, которое стоит на страже богатых. Но откуда берется государство, санкционирующее эту несправедливость?

Природе человека соответствует другая, неполитическая организация общества. Она поддерживает, по мнению Прудона, в равновесии индивидуальные интересы

людей и экономические силы общества, согласует их. К таким интересам и силам Прудон относит разделение труда, коллективную силу, конкуренцию, торговлю, деньги, машины, кредит, собственность, равенство договоров, взаимность гарантий и пр. Заметим, что при всей терминологической путанице здесь четко проступает картина буржуазного общества — «справедливого» общества, «соответствующего» природе человека.

Но человеческое общество в силу своего невежества сразу не могло открыть этой организации, которую Прудон называет «социальной конституцией», и за неимением лучшего изобрело государство, главным принципом которого является авторитет («политическая конституция»). Формы «политической конституции», по Прудону, — классовые различия, разделение власти, административная централизация, судебская иерархия, выборное представительство и пр. Заметим, что классовое неравенство, как и государство, Прудон считает «изобретением», «выдумкой» человечества — совсем как у Штирнера. По мере того как человечество открывает для себя социальную конституцию, государство сдает одну позицию за другой, пока наконец не исчезает полностью.

Что же представляет собой безвластное, безгосударственное общество Прудона? Анархический идеал Прудона — это общество, которое основано на ассоциированном труде, обеспечивающем высокую производительность, а следовательно, и наиболее полное удовлетворение потребностей членов общества, и неассоциированной мелкой частной собственности, обеспечивающей личности ее свободу. Но даже в основании этого противоречивого тезиса Прудон непоследователен: так, крестьяне, по его мнению, не будут организованы в ассоциации, поскольку сельскохозяйственная работа несовместима с ассоциационными формами.

Имея в виду те принципы социальной конституции,

на которых Прудон строит свой идеал, можно легко заметить, что Прудон рисует то же самое буржуазное общество на ранних этапах его развития, весьма, впрочем, его приукрашивая. Маркс отмечал, что у Прудона буржуазное общество не только сохраняется, но «его существование получает свое оправдание, у него отнимают лишь его плохую тенденцию» [7; с. 280].

Но раз сохраняются буржуазные общественные отношения, то как можно обойтись без государства? А никак!.. Плеханов замечает по этому поводу: «Прудон не желает ничего знать о государстве. И тем не менее... он сам в теории вновь создает государство, едва успев его разрушить» [74; с. 206].

Да и сам Прудон в книге «О политической дееспособности рабочего класса» по сути дела восстанавливает все институты буржуазного государства, правда под другими названиями — «избирательного собрания», «государственного совета», «исполнительных комиссий» и пр., что, однако, не меняет дела.

Таким образом, Прудон приходит к тому же плачевному результату, что и его предшественник — из ниспровергателя буржуазного общества и буржуазного государства он превращается в их апологета.

Анархический идеал найден не был, и за дело со всей неукротимой страстностью бунтарского духа взялся М. А. Бакунин. Биография М. А. Бакунина сегодня, пожалуй, украсила бы книгу рекордов Гиннесса. Лишенный дворянства и всех прав гражданского состояния, дважды приговоренный к смертной казни, замененной пожизненным заключением, проведенный около двенадцати лет в тюрьмах Саксонии, Австрии, России и в сибирской ссылке, Бакунин, по словам Герцена, совершил «самое длинное бегство в географическом смысле» и последние 15 лет своей жизни провел в политической эмиграции. Он принял активнейшее участие почти во всех революционных событиях, потрясавших Европу с

конца 40-х по середину 70-х годов прошлого столетия.

Родился Михаил Александрович Бакунин в 1814 году в семье богатого тверского помещика. В 1833 году он окончил артиллерийское училище в Петербурге и, недолго прослужив, подал в отставку. В это время внимание его привлекает немецкая классическая философия.

Формула Гегеля «что действительно, то разумно» становится центральным пунктом философствования Бакунина. Причем, как отмечают видные советские философы А. А. Галактионов и П. Ф. Никандров, «гегелевская философия и особенно формула «все разумное действительно, и все действительное разумно», допуская двойное толкование, были приняты Бакуниным в консервативном, правогегельянском духе. Принцип примирения в его политическом эквиваленте вылился у Бакунина в оправдание самодержавно-крепостнических порядков». Иными словами, Бакунин убежден, что борьба с разумной действительностью неразумна, ибо действительность всегда побеждает. Не бороться с действительностью, а понять ее — вот сверхзадача. Решение этой сверхзадачи ведет к гармонии с самим собой и окружающим миром. Таким образом, Бакунин с помощью Гегеля теоретически обосновывает тезис, сатирически сформулированный Вольтером в XVIII веке и гласивший: «Все прекрасно в этом совершеннейшем из миров».

С 1840 года Бакунин продолжает свои занятия в Берлинском университете. Но в обстановке предреволюционной Германии определенным образом меняется его отношение к философии Гегеля, а главное, он делает из нее совершенно иные практически-политические выводы. Так, в статье «Реакция в Германии», опубликованной в 1842 году, Бакунин утверждает, что судьба Германии должна решиться в столкновении двух главных партий: консерваторов и демократов. Консерваторов он

называет «противниками принципа революции», которые в политике и в теории тщетно хватаются за давно уже «упавшие развалины». Напротив, демократам, как представителям «отрицательного направления», принадлежит будущее. Они несут в себе девиз Французской революции — свобода, равенство и братство — и во имя этого стремятся к полному уничтожению существующего «политического и социального мира». Статья оканчивается характерным лозунгом: «Страсть к разрушению есть вместе и творческая страсть». Этот знаменитый лозунг, провозглашенный Бакуниным еще в 1842 году, — был самым ранним, но уже заметным зачатком сего последующего анархизма, который в теоретическом отношении развился из выпячивания в диалектике Гегеля момента отрицания [37; с. 224].

Эта статья, восторженно встреченная А. И. Герценом и В. Г. Белинским в России, у немецкой полиции вызвала совершенно другое отношение, и Бакунин вынужден уехать в Швейцарию. В Цюрихе он знакомится с В. Вейтлингом, в Париже в 1844 году сближается с П. Прудоном и тогда же встречается с К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Бакунин все глубже погружается в политическую жизнь предреволюционной Европы. Так, он высказывается в пользу польского национально-освободительного движения и призывает поляков идти рука об руку с русскими в борьбе с николаевским деспотизмом.

Результатом всей этой деятельности явилось «приглашение» из Петербурга вернуться «домой». Бакунин ответил отказом и был приговорен, на этот раз заочно, к лишению прав и ссылке в Сибирь на каторгу. Путь в Россию, таким образом, казалось, был закрыт окончательно, но...

Революции 1848—1849 годов, прокатившиеся по странам Европы, целиком захватили Бакунина, покрыв его имя неувядаемой славой. Он разворачивает бурную дея-

тельность в революционном Париже, принимает активное участие в пражском восстании 1848 года, является фактическим руководителем восстания в Дрездене 1849 года. Вот характерный эпизод из жизни Бакунина этого периода: «По дороге из Парижа в Прагу он наткнулся где-то в Германии на возмущение крестьян, они шумели и кричали перед замком, не умея ничего сделать. Бакунин вышел из повозки и, не имея времени узнать, в чем дело, построил крестьян и так ловко научил их, что, когда пошел садиться в повозку, чтоб продолжать путь, замок пылал с четырех сторон» [38; с. 284].

Арест в Хемнице (Саксония) в 1848 году — первый смертный приговор, военный суд в Ольмюце (Австрия) в 1851 году — второй смертный приговор, выдача русским властям — «возвращение» на Родину.

Николай I встретил своего бывшего прапорщика как «радушный» хозяин — вполне в духе русских самодержавных порядков того времени: «Он — умный и хороший малый, но опасный человек, его надобно держать назаперти» [38; с. 285]. И его держали до 1857 года сначала в Петропавловской, а затем в Шлиссельбургской крепости. После этого Бакунин был выслан в Сибирь, причем сменивший Николая Александр II заявил, что «при жизни его Бакунина из Сибири не переведут» [38; с. 286].

В этих условиях Бакунин предпринимает свой ставший легендарным побег, продемонстрировавший нестандартность мышления и дерзость поступков выдающегося революционера. Действительно, побег этот скорее походил на полное опасностей кругосветное путешествие с Амура через Японию и Америку в Европу.

С этого времени и до конца своих дней — умер Бакунин в 1876 году — он целиком посвящает себя служению двум великим целям — борьбе с существующими политическими режимами, с государством вообще и тео-

ретическому поиску анархического общественного идеала.

Причину заблуждений Прудона Бакунин видел в его идеализме, метафизике: «Его точка отправления — абстрактная идея права; от права он идет к экономическому факту, а господин Маркс высказал и доказал ту несомненную истину... что экономический факт всегда предшествовал и предшествует юридическому и политическому праву» [74; с. 210]. В отличие от Прудона Бакунин справедливо считал: подлинные, а не иллюзорные равенство и свобода в будущем обществе несовместимы с частной собственностью и что единственно возможный путь к этому обществу лежит через социальную революцию.

Таким образом, казалось, что Бакунин выступил против Прудона как материалист и даже как революционный марксист. Но это лишь казалось.

Анархизм и материалистическое понимание истории несовместимы. Анархист, признающий материалистическое понимание истории, перестает быть анархистом, и наоборот, желая оставаться анархистом, он, самое большое, признает материалистическое понимание истории лишь на словах. Это ясно видно и на примере самого Бакунина — в основу всех своих дальнейших рассуждений он, как и Прудон, кладет абстрактную природу человека с ее «извечными» и незыблемыми законами и принципами; государство у него, как и у Прудона, есть порождение невежества людей; уничтожение государства у Бакунина, как и у Прудона, есть следствие интеллектуального и духовного развития человечества.

От своих предшественников М. А. Бакунин заимствует идеи справедливости и эгоизма, понимая их столь же абстрактно и метафизически. В справедливости он, подобно Прудону, видит полное возмещение труда производителю, а в эгоизме, как и Штирнер, — заботу индивида лишь о самом себе. Социалист, по его мнению, справед-

лив, так как требует для себя лишь действительный плод своей работы, и в то же время он эгоист, так как, служа обществу, он в конечном счете служит лишь самому себе.

Но понятия абсолютных «эгоизма», «справедливости» совершенно исключают друг друга. Даже взятые в качестве относительных, они никогда не совпадают полностью. Так, справедливому человеку чужд эгоизм (во всяком случае, он почти всегда будет отодвигаться на второй план во имя справедливости), и наоборот, законченного эгоиста вряд ли можно считать справедливым человеком.

Бакунин пытается выйти из этого затруднения, сводя оба эти принципа к одному — солидарности. Смысл его сводится к тому, что каждый человек может освободиться сам, лишь освобождая других, каждый действительно свободен лишь тогда, когда его свобода санкционируется свободой всех остальных.

Но принцип солидарности так же абстрактен, как и любой другой, он так же не может дать ответа на конкретные вопросы реальной жизни: зачем, каким образом и от чего рабочие, освобождаясь сами, должны освободить своих эксплуататоров? Как буржуазия «санкционирует» и будет «санкционировать» свободу пролетариата и свободу от «чего»?

Кроме того, этот принцип не дает возможности освободить анархический идеал от односторонности и противоречивости, а наоборот... «Если Прудон был утопистом,— замечал Плеханов,— то Бакунин был им вдвойне... В то время, как Прудон... оставался верен своему принципу договора, Бакунин, раздвоенный между свободой и равенством, принужден был с самого начала своей аргументации покидать первую для второй и вторую для первой» [74; с. 210]. Очевидно, именно поэтому, собственно, не получилось, да и не могло получиться, у Бакунина ни программы, ни идеала. Его требова-

ния расплывчаты и противоречивы, а представления о будущей общественной организации сводятся в конечном счете лишь к самым общим фразам, зачастую очень громким.

Первыми результатами социальной революции наряду с уничтожением государства, по мнению Бакунина, должны стать упразднение права наследования, уравнение прав женщины и уничтожение брака, передача земли тем, кто ее обрабатывает, — гражданским общинам, передача капитала и орудий труда — рабочим ассоциациям, создание федераций вольных рабочих — как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей (ассоциаций).

«...На нашем знамени...— заявляет Бакунин, — огненными, кровавыми буквами начертано: разрушение всех государств, уничтожение буржуазной цивилизации, вольная организация снизу вверх посредством вольных союзов — организация разнузданной чернорабочей черни, всего освобожденного человечества, создание нового общечеловеческого мира».

Плеханов по этому поводу замечал: «Бессмыслица, совершенно голая, чистая бессмыслица — вот что «начертано» на бакунинском «знамени», и не нужно никаких кровавых и огненных букв, чтобы это было вполне ясно для всех, еще не загнипнотизированных более или менее гремящей, но сплошь бессмысленной фразеологией» [74; с. 221].

Но, отрицая частную собственность, Бакунин в то же время воссоздает ее в новой форме — форме ассоциированной частной собственности отдельных общин, артелей и т. д., составляющих анархическую федерацию, увековечивая тем самым в обществе действие законов капиталистического производства. Это бесплановая экономика, рынок, конкуренция, деньги, эксплуатация и пр. Однако если быть логичным и последовательным, то, воссоздавая буржуазное общество со всеми его чертами,

следует воссоздать также и буржуазное государство. Бакунин здесь непоследователен и нелогичен. И в этом отношении Штирнер и Прудон честнее и принципиальнее.

Бакунин — выдающаяся личность в русском и мировом освободительном движении, человек, все свои незаурядные способности, всю свою неиссякаемую энергию, наконец, всю свою жизнь отдавший борьбе за освобождение рабочего класса, трудящихся, угнетенных и эксплуатируемых.

Во многом можно было бы упрекнуть Бакунина, и это нередко делают его биографы. Так, например, ему ставится в вину «Исповедь», написанная по предложению Николая I и звучавшая порой как покаяние, обещание присоединиться к Александру II, если тот согласится сделаться «царем мужиков», данное в статье «Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель?», наконец, предполагаемая связь Бакунина с Нечаевым, ставшим одним из прототипов «Бесов» Ф. М. Достоевского. Но еще Герцен отмечал противоречивость этой выдающейся личности, и вполне уместным поэтому представляется обращение к его оценке. «С страстью проповедования, агитации... пожалуй, демагогии, с непрерывными усилиями учреждать, устраивать комplotы, переговоры, заводить сношения и придавать им огромное значение,— писал он,— у Бакунина прибавляется готовность первому идти на исполнение, готовность погибнуть, отвага принять все последствия. Это натура героическая, оставленная историей не у дел. Он тратил свои силы иногда на вздор, так, как лев тратит шаги в клетке, все думал, что выйдет из нее. Но он не ритор, боящийся исполнения своих слов или уклоняющийся от осуществления своих общих теорий... Бакунин имел много недостатков, но недостатки его были мелки, а сильные качества — крупны. Разве это одно не великое дело, что, брошенный судьбою куда б то ни было и схва-

тив две-три черты окружающей среды, он отделял революционную струю и тотчас принимался вести ее далее, раздувать, делая ее страстным вопросом жизни?!!» [38; с. 287].

Бакунин, так же как и его предшественники, не смог найти анархического идеала. Он молился не тому богу, но молился истово, убежденно, до самозабвения. Именно этим объясняется тот вред, который Бакунин и бакунисты принесли молодому тогда еще международному рабочему движению. Но это, скорее, не вина, а беда великого бунтаря, и мы храним о нем благодарную память. Те же слова можно сказать о другом нашем соотечественнике — пламенном революционере П. А. Кропоткине.

Глава третья

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОИСКОВ

Теория анархизма — начало или конец?

Путешественник и натуралист, географ, геолог и зоолог, философ, историк и социолог, писатель, литературовед и публицист, теоретик анархизма и революционер, Кропоткин сказал свое веское слово и оставил заметный след в каждой из этих областей человеческого знания и общественной деятельности и обессмертил свое имя еще при жизни. Будучи материально вполне обеспеченным, он всю жизнь добывал хлеб своим собственным, очень нелегким трудом; имея по происхождению, пожалуй, больше прав на русский престол, чем любой из представителей династии Романовых, стал врагом всех монархий, а заодно и всех республик мира; дважды отказавшись от блестящей карьеры, он большую часть своей долгой жизни посвятил развитию и пропаганде идей анархизма, борьбе за освобождение всего угнетен-